

- ³⁶ Los Angeles Times. 1942. June 6. P. 1.
³⁷ Ibid. P. 3.
³⁸ Christian Science Monitor Magazine. 1942. June 6. P. 1 ; The Sun. 1942. June 6. P. 1.
³⁹ News and Courier. 1942. June 6. P. 1.
⁴⁰ Commander in Chief, Pacific Fleet report, Serial 01849 of 28 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park ; Nimitz Chester W. Collection. University of the Pacific. University Library. Box 1.
⁴¹ U. S. S. Enterprise Action Report, Battle of Midway Island, Serial 0133, June 4–6, 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park.
⁴² U. S. S. Hornet Report of Action, 4–6 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park ; U. S. S. Yorktown Report of Action, 4–6 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park.

УДК 32.019.51(73)

АМЕРИКАНСКИЕ СМИ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1947 ГОДУ

Н. Н. Бонцевич

Саратовский государственный университет
E-mail: bontsevitch@yahoo.com

В настоящей статье анализируется характер публикаций об СССР в ведущих американских периодических изданиях разной политической направленности за 1947 г. Автор исследует, как и почему изменилось отношение популярных американских СМИ к Советской России по сравнению с 1946 г. и как эти изменения повлияли на формирование нового образа бывшего союзника на страницах прессы. Работа построена на использовании широкого круга периодического материала, включая и научную периодику. **Ключевые слова:** внешнеполитическая стратегия США, либеральная и консервативная печать, Генри Люс, стереотипы о России, план Маршалла.

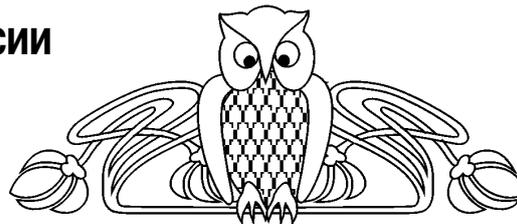
The American Press about the Soviet Russia in 1947

N. N. Boncevic

In the present paper the content of the leading American periodicals of different political views about the Soviet Union for 1947 is analyzed. The author explores how and why the popular American periodicals' attitude has been changed since 1946 and how these changes affected making new images of the recent ally in press. The author used a wide range of periodicals including research one for writing this paper.

Keywords: American foreign policy strategy, liberal and conservative press, Henry Luce, stereotypes about Russia, Marshall Plan.

Как известно, неотъемлемой характеристикой холодной войны является высокий накал идеологического противостояния наряду с политическим, военным, экономическим. Его в условиях глобального противоборства двух сверхдержав обеспечивала пропаганда, институционализованный в масштабах государства. Если для тоталитарного СССР к началу холодной войны пропаганда представляла собой хорошо отлаженную функцию государства, то американским властям только еще предстояло озаботиться этим вопросом. Специальный комитет с пропагандистскими

функциями в Конгрессе США был создан только в сентябре 1947 г. и нацелен на продвижение плана Маршалла в массы, т. е. говорить о пропаганде в США с участием всех значимых информационных каналов в 1946 и 1947 г. не приходится. Вместе с тем в американском обществе происходил заметный сдвиг в восприятии своего союзника во Второй мировой войне. Между 1945 и 1947 г. численность тех, кто начал относиться к России как к «агрессору», увеличилась с 38 до 66%¹. Госсекретарь Д. Маршалл отмечал в одной из своих публичных речей в ноябре 1947 г.: «Сегодня, спустя два года, нас обвиняют во враждебности к Советскому Союзу и русскому народу, что свидетельствует о совершенном изменении нашего отношения к русским по сравнению с 1945 годом»².

В отсутствие пропагандистской функции у американского государства задачу репрезентации нового образа советского союзника весьма успешно выполнила пресса. На ведущих периодических изданиях, внимательно отслеживавших все происходящее во внутренней и внешней политике администрации Трумэна, в полной мере лежит ответственность за первые признаки охлаждения американской общественности к СССР и русским.

В этой связи интересно было бы проследить, как и под воздействием каких факторов менялся тон публикаций ведущих газет и журналов разной политической направленности по отношению к СССР в 1947 году.

Складывается впечатление, что до тех пор, пока американская администрация определялась с контурами своей послевоенной внешней политики, симпатии общественности были на стороне «русских союзников», а «дядя Джо» вызывал уважение у простых американцев³. Весь 1946 г., несмотря на тревожные сигналы⁴, дипломатический тон США в переговорах с СССР продолжал оставаться мягким и носил уговаривающий харак-

тер. И только пресса, даже либеральная, с трудом скрывала растущее раздражение от поведения советских представителей на международных конференциях. Так, например, «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью «Больше реализма в отношениях с Россией», где писала: «Наиважнейший фактор современных международных отношений есть растущий российский национализм», и что «Россия извлекает слишком большую одностороннюю выгоду из ситуации»⁵.

Консервативная пресса, хоть и признавала значимость этапа сотрудничества двух стран, привнесшего больше толерантности во взаимоотношения их народов, характеризовала будущее американо-советских отношений как соперничество. «Мнение о том, что Россия понимает только язык силы ... теперь общепринятое», – констатировала «Крисчиан Сенчури»⁶. О характере намерений советского руководства в отношении некоторых европейских стран та же газета еще летом 1945 г. писала: «Сталин ясно дал понять в ситуации с Польшей, что он не потерпит политического влияния никакой другой страны, кроме СССР, в этом регионе». «Советские лидеры уверены, что предоставленные сами себе государства Европы (Венгрия, Чехословакия, Греция и др.) будут тяготеть к России благодаря действию “politics of attraction”»⁷.

В конечных суждениях и либеральная, и консервативная пресса в 1946 г. была едина: несмотря на то что «стена между Россией и всем остальным миром ... сохранится еще долго»⁸, ни одна из сверхдержав не хочет новой войны, поэтому мир, пусть и вооруженный, – это задача будущих отношений. «Не существует очевидных причин, исключающих возможность иметь дело с Россией»⁹. «... мы можем, если хотим, преуспеть вместе с Россией в деле достижения взаимных преимуществ для обеих стран и пользы всего мира», «... нам следует направить наши объединенные усилия для достижения этой цели»¹⁰. «... не должно быть непреодолимых трудностей в том, чтобы жить в мире с Россией»¹¹. «Русские – не враги, но и не друзья. Самое большее, на что мы можем рассчитывать в отношениях с ними в ближайшие несколько лет, – это вооруженный мир»¹².

Как справедливо отмечают отечественные историки-американисты, ясной разграничительной линией в американской политике в отношении Советского Союза стало возвращение из Москвы госсекретаря Джорджа Маршалла 26 апреля 1947 года. Маршалл докладывал президенту Трумэну, что «дипломатия не может преодолеть противоречия, что с русскими невозможно работать, что хаос им удобен, а коллапс Европы служит их интересам»¹³. Ранее, 12 марта 1947 г., президент Трумэн озвучил внешнеполитическую доктрину «сдерживания» СССР в своей речи перед американским конгрессом. Это означало, что советы и рекомендации, которые направил в

Вашингтон в феврале 1946 г. поверенный в делах США в Москве, дипломат и историк Джордж Кеннан, были учтены ближайшим окружением президента. Это означало также, что с изоляционистским прошлым Америки было покончено и правительство выразило готовность примерить на себя роль лидера в международных отношениях.

Как только администрация Трумэна определилась с целями своей внешней политики, потребовалось идеологическое обоснование сделанного выбора. Сразу в нескольких авторитетных научных журналах появляются статьи, в которых делается попытка дать научное объяснение повороту во внешней политике США.

Влиятельный в сфере международной проблематики журнал «Форин Аффферз» в июле 1947 г. поместил статью «Истоки советского поведения», авторство которой приписывают Джорджу Кеннану за сходство содержания с текстом его длинной телеграммы. Статья приобрела необычайную популярность, ее обсудили практически все ведущие периодические издания в стране. А редакторы «Лайф» сочли ее содержание официальной точкой зрения администрации по вопросам отношений с СССР.

Статья неслучайно вызвала неподдельный интерес в интеллектуальных кругах Америки. В ней Кеннан довольно успешно реализовал попытку выявить политико-психологические и идейно-культурные истоки внешней политики СССР, мотивов поведения его руководства.

Кеннан подметил в поведении советского сталинского руководства нечто, объясняющее растущее беспокойство американцев. Фанатичное властолюбие, граничащее с цеплянием за власть, желание любой ценой обезопасить себя от политической конкуренции и стойкое неприятие каких-либо компромиссов в политике. Все эти качества, по мнению автора «Истоков», превращают высшее руководство Советского государства в непредсказуемых партнеров в международной политике, готовых с легкостью поступиться принципами ради политической выгоды. «Это означает, что истина не неизменна, а фактически создается самими советскими лидерами для любых целей и намерений. Она может изменяться каждую неделю или каждый месяц. Она перестает быть абсолютной и непреложной и не вытекает из объективной реальности»¹⁴.

Другой особенностью психологии советского руководства, по мнению Кеннана, являлось восприятие капиталистической системы как имманентно враждебной и экспансионистской, но внутренне непрочной. Данное представление «оказывает глубокое воздействие на поведение России как члена международного сообщества», считает Кеннан. В Москве полагают, что «цели капиталистического мира антагонистичны советскому режиму и, следовательно, интересам народов, контролируемых им». «Их идеология учит, что окружающий мир враждебен им, и что

их долгом является – свергнуть когда-нибудь стоящие у власти политические силы за пределами их страны». «Эти характерные черты советской политики, как и принципы их породившие, составляют внутреннюю сущность советской власти и будут присутствовать до тех пор, пока эта внутренняя сущность не изменится»¹⁵.

Подчеркивая антагонистичность мировосприятия в качестве сущностной характеристики менталитета советских лидеров, Кеннан, тем не менее, делал ставку на эволюционное разрешение идеологического конфликта двух сверхдержав в результате «естественной смерти» коммунистического тоталитарного режима. Он полагал, что советская система неизбежно рухнет под тяжестью неразрешимых внутренних проблем. Поэтому единственно правильной стратегией для Вашингтона будет не военный конфликт, а постепенное, терпеливое сдерживание и ограничение по всем направлениям, считал известный дипломат. Он характеризовал эту стратегию как «искусное и бдительное применение контрсилы в ряде постоянно меняющихся географических и политических точек, соответствующих изменениям и маневрам советской политики»¹⁶.

В главном Кеннан призывал использовать дипломатическое, политическое и экономическое давление, сдерживая советский экспансионизм, а также «воздействовать силой примера, способного вызвать уважение и доверие со стороны мира к ценностям американской демократии и неустанно демонстрировать привлекательность американской цивилизации, питающей в людях надежду и ставящей перед ними положительные цели»¹⁷.

Предложенный Кеннаном вариант стратегии сдерживания не стал, однако, практической политикой вашингтонской администрации. Сторонники более решительных действий в госдепартаменте и военном ведомстве пришли к единому мнению, что у Сталина имелся «большой замысел» мировой экспансии, соответственно, сдерживание должно было носить тотальный характер. Джордж Кеннан, кстати, был с этим не согласен. По его мнению, советское руководство действовало спонтанно, реагируя на то, что оно воспринимало как угрозу. И чем решительнее вел себя Вашингтон, тем менее безопасно ощущала и, соответственно, более агрессивно вела себя Москва¹⁸.

Статья «Истоки советского поведения» в «Форин Аффэрз» стала первым обстоятельным аналитическим эссе, выполненным главой внешнеполитического планирования госдепартамента Джорджем Кеннаном, в котором причина поворота от мягкой дипломатии к жесткому сдерживанию выглядела исторически и политически обоснованной. Журналистами и особенно редакторами ведущих периодических изданий страны статья была воспринята как официальная позиция власти, признавшей невозможность партнерских отношений с Советами. В ней увидели призыв официального

Вашингтона не стесняться резких высказываний в адрес вчерашнего союзника, который к весне 1947 г. превратился в серьезную помеху на пути реализации грандиозных внешнеэкономических планов американского правительства.

Обстоятельное исследование о социальных факторах, лежащих в основе враждебного отношения американцев к русским, появилось в конце 1947 г. в «Американском социологическом журнале» – влиятельном научном издании данного направления. Автор исследования, социолог из Гарварда Артур Дэвис вынес на обсуждение проблему взаимной неприязни двух государств и народов, утверждая, что это именно так в качестве исходного постулата¹⁹.

Причину взаимной неприязни американцев и русских автор исследования объясняет действием двух стереотипов, которые, как он утверждает, глубоко укоренились в сознании американцев и нигде не исчезли за годы военного сотрудничества. Это стереотипы о том, что Россия – страна-загадка и что русские – нецивилизованный народ. В механизме стереотипизации представлений о России главным являлось действие оценочных, эмоциональных, субъективных факторов, нежели объективных, считает Дэвис. Иными словами, все, что не соответствовало представлениям американцев о правильном общественном и государственном устройстве, т. е. о том, что являлось для них привычным, стандартным, воспринималось как чуждое и даже враждебное. «Многие американцы думают об СССР исключительно в образах длиннющих очередей, принудительных трудовых лагерей и всеобъемлющей секретной полиции», – писал влиятельнейший корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Сайрус Сульцбергер в еженедельном информационном обозрении к этой газете «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» в 1945 году²⁰.

Продуктом в высшей мере субъективного взгляда на культуру целого народа Дэвис считает стереотип о нецивилизованности русских. Действительно, американцы очень долго воспринимали Россию как отсталую крестьянскую страну, гораздо дольше, чем она продолжала оставаться таковой. Причину укорененности данного стереотипа в глубинах бессознательного коллективной памяти американцев ученый объясняет всегда присутствовавшим в национальном характере желанием унижить потенциального соперника.

Показательно, что при всей антагонистичности основных принципов общественного устройства двух стран – индивидуализм versus коллективизм, права и свободы versus полное бесправие, многообразие автономных общественных образований versus коллективистские формы самоорганизации, религиозность versus атеизм – американцы подсознательно всегда считали Советскую Россию своим конкурентом. Причина – универсальность принципов переустройства общества, которое провозгласили большевики, вооруженные марксистским учением. По боль-

шуму счету, коммунисты в России провозгласили те же самые идеалы развития, что и американцы, только в другой форме – равенство, уничтожение привилегий отдельных классов, решение проблем этнических меньшинств, безработицы и пр.

Появление государства, провозгласившего на весь мир альтернативный американскому идеал развития, моментально превратило Россию в объект перцепции *non grata* из-за опасения, что в каких-то моментах американский путь развития окажется хуже, чем большевистский. Чтобы этого не произошло и самосознание нации не пострадало, и понадобился стереотип «неполноценного народа», приниженного по отношению к достоинствам американской культуры. Появились соответствующие эпитеты-ярлыки – «тоталитарная автократия» вместо «социалистическое государство», «варварский народ», «безбожная Россия» и др.²¹

Уверенность американцев в собственном превосходстве сделала их нетерпимыми к любым намекам на его утрату. Эта довольно опасная черта национальной психологии своей оборотной стороной имеет комплекс отличника: при всей видимости дружественного поведения конкуренту всегда отведено второе место.

Если вспомнить, что одной из важнейших целей стереотипизации является упрощение представлений о чужой культуре с тем, чтобы сделать поведение человека другой культурной системы понятным, а следовательно, прогнозируемым, то становится очевидным, почему американцам, испытывающим постоянную потребность подстегнуть свое национальное эго, так нужны были стереотипы.

Отмечая иррациональную природу стереотипов о России в американском обществе, Дэвис признает, что существуют и вполне объективные факторы, объясняющие невозможность диалога двух культур. Эти факторы легко обнаружить, если сравнить две социальные системы, – российскую и американскую.

Трудно найти два других типа общественного устройства, пишет Дэвис, которые были бы столь антагонистичны в своих главных принципах. Россия твердо стоит на позиции отрицания главного стержня капитализма – прибыли. Советская экономика управляется государством через систему планирования и последующего контроля. Американская экономика функционирует по законам рынка. Здесь лучше всего чувствуют себя большой бизнес и его акулы в лице трестов, картелей и других организационных форм слияния капитала²².

Разнонаправленность конечных идеалов экономического и политического развития двух стран обусловила, по мнению Дэвиса, ситуацию, когда диалог культур оказался весьма затруднителен. Мыслящему глубоко в контексте этики радикального индивидуализма американцу трудно понять русскую вовлеченность в коллективистские формы активности – политической, производ-

ственной, общественной. Тем более что большая часть активности, предоставленной в Америке индивидам, в России политизирована.

Социолог Дэвис утверждает, что идеальной средой для распространения враждебных настроений, направленных вовне, на другую страну и народ, является наличие внутренней напряженности и противоречий в обществе. Американское общество начала XX в. было именно таким, быстро меняющимся, обретающим современное индустриальное лицо. Здесь неизбежно возникли противоречия между сторонниками модернизации и их противниками. К первым относили себя все, кто был связан с наукой, идеологией либерализма, атеизмом, новой моралью. Сторонники традиционных ценностей чувствовали себя незащищенными в острой конкурентной борьбе за социальный статус в обновляющейся среде²³.

В сложившихся условиях Советский Союз являлся идеальным громоотводом для многих американских страхов и противоречий, делает вывод Дэвис. После революции 1917 г. новые порядки в России вызывали у традиционалистски настроенной части американского общества стойкое неприятие. Воинствующий атеизм, сексуальная распущенность, авторитарное правление, которые выделялись в обновляющемся российском обществе, мгновенно обрастали в Америке звучными эпитетами: «безбожная Россия», «свободная любовь», «красный фашизм».

Отчасти антирусские настроения в американском обществе были связаны со стереотипом «нежелательного иммигранта». К таковым причисляли выходцев из Восточной и Южной Европы по причине их низкого социального статуса в американской экономике. Чужими в иммигрантской семье Америки они были еще и по причине ортодоксальности своей веры, делавшей их изгоями в глазах самоуверенных протестантов. В коллективном бессознательном американцев, продолжает Дэвис, славяне-европейцы всегда незримыми нитями были связаны с Россией и весь негатив от их восприятия автоматически переносился на нее²⁴.

В заключение своего исследования Артур Дэвис делает вывод о том, что любое общество, в котором существуют внутренние противоречия, связанные с несовершенством социальной стратификации, нуждается в объединяющем императиве, способном преобразовать внутреннюю напряженность и направить ее вовне, на своего рода «козла отпущения». Таким «козлом отпущения» для послевоенной Америки, переполненной сомнениями по поводу своего экономического будущего и как никогда нуждавшейся в объединяющем начале, стала малоизвестная Россия.

Медовый месяц американских СМИ по отношению к советскому союзнику продлился недолго. Уже в 1946 г. периодическая печать разной политической направленности буквально разразилась журналистскими и редакторскими

эссе «разоблачительного» характера об СССР и русских. Но критика была больше похожа на попытку пожурить своего вчерашнего союзника, указать на недостойное поведение, и все это ради одной единственной цели – сотрудничества в целях поддержания мира. В 1947 г. суждения и оценка действий СССР на международной арене становятся более жесткими и категоричными.

Либеральная пресса, долгие годы оставшаяся на нейтральных позициях по отношению к СССР, пыталась проанализировать охлаждение в отношениях союзников, взглянув на ситуацию с позиции русских. Получилась далеко не радужная картина упущенных возможностей и разочарований. Как писала «Нью Рипаблик», если бы продлилось сотрудничество великих держав после окончания войны, то, возможно, и в самом советском обществе наступило бы облегчение, связанное с отсутствием тревоги за безопасность страны. Но этого не случилось и место прежних тревог и напряженности заняли новые. Доктрина Трумэна была преподнесена советскими СМИ в самом невыгодном свете – как «наступление», предпринятое Западом не только против коммунизма, но и против европейского социализма. Пропаганда снова оживила в памяти слегка забытые страхи по поводу «капиталистического окружения» и западного империализма. Заговорили о разделе мира на «два лагеря»²⁵.

Еженедельник «Нью Йорк Таймс Мэгэзин» выразил сожаление, что растущее недоверие двух народов, подпитываемое давно сложившимися стереотипами-заблуждениями, навряд ли поспособствует преодолению растущего охлаждения в отношениях двух народов, и прежде всего ложных перцепций друг о друге. Говоря о фундаментальных принципах развития, которые взяты на вооружение руководством СССР и США, авторы статьи отмечают: «Контраст так очевиден, что может послужить почвой исключительно для разногласий, и менее всего для взаимопонимания»²⁶. Следовательно, разность идеологических установок в политике двух стран была признана либеральным еженедельником фатально предполагающей конфликт.

Либеральный «Атлантик Мансли» в самом начале 1947 г. в статье с «говорящим» названием «Последний шанс» обратился к консервативному большинству конгресса со словами тревоги за будущее Америки и мира перед лицом «новой экспансионистской политики СССР». Обвинив конгресс в нерешительности и приверженности прежней провинциальной внешней политике, авторы статьи призывают власти осознать, наконец, масштабы опасности нависшей над миром «красной угрозы» и начать процесс консолидации со всеми некоммунистическими силами, включая и американских левых. Политические амбиции должны уступить в противоборстве, в котором на карту поставлена не просто судьба политической демократии в одной стране, но судьба западной цивилизации в целом,

считают авторы статьи²⁷. Чтобы усилить ощущение тревоги и стимулировать политическую элиту к более решительным действиям, авторы прибегли к неоднократному повторению в тексте эмоционально окрашенного слова «вызов» применительно к внешней политике СССР.

В отличие от либеральных изданий консервативная пресса в 1947 г. была настроена более решительно в попытках показать истинное лицо советской власти и убедить правящую элиту и американскую общественность в опасности, от нее исходящей. На категоричный вопрос «Что делать с Россией?» популярнейший информационный гид «Ридерс Дайджест» в сентябрьском номере за 1947 г. объявил первоочередной дипломатической задачей для правительства США «сдерживать советскую экспансию». «Если оставить Россию без контроля, то неизбежно она распространит свое влияние в Европе, в Азии и, возможно, в Южной Америке, и этот процесс экспансии может растянуться до конца столетия...»²⁸. «Отношения двух стран впали в состояние долговременного кризиса», – пишет автор статьи и обвиняет руководство СССР в цинизме и двуличии, ловком манипулировании добрыми намерениями западных стран. В качестве подтверждения приводятся слова из речи Сталина начала 1930-х гг.: «Мы не уступим ни дюйма нашей собственной земли. Мы не захватим ни фута чужой земли». В этом изречении, саркастично замечает автор статьи, должно было бы быть уточнение типа «мы не захватим ни фута чужой земли, за исключением восточной Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Петсамо, Карельского перешейка, Бессарабии, Кенигсберга, восточной Чехословакии, Курил, Южного Сахалина, Порт Артура и пр.»²⁹.

Еще одно популярное в стране консервативное издание «Сэттардей Ивнинг Пост» разместило статью, изобличающую психологию советского руководства, в чем, по мнению автора, лежит основная причина неудавшегося диалога двух стран. Национализм и догматизм – две характерные черты менталитета советского лидера – сводят на нет переговорные процессы между двумя странами. «Каждый советский лидер в известном смысле страдает раздвоением личности: с одной стороны, это политик-реалист, озабоченный решением насущной проблемы безопасности; с другой – марксист, социалист, адепт конкретной теоретической доктрины». Присутствие политической философии как некоего руководящего, базового начала в основе реальной политики Советского государства заметно усложняет понимание окружающими того, что составляет сферу жизненно важных государственных интересов Советского государства, а где абстрактные теоретические лозунги, используемые в пропагандистских целях, пишет автор статьи³⁰.

Консервативная периодика в 1947 г. снова вернулась к довоенным параллелям советского и фашистского режимов, на этот раз в деле органи-

зации агентурной сети по всему миру. «Гитлеровская пятая колонна почти не заметна по сравнению со сталинской», – пишет «Ридерс Дайджест». 12 млн членов агентурной сети по всему миру – такого не знал ни один режим в мировой истории. Параллели с царским режимом, напротив, названы некорректными по причине отсутствия универсалистской идеологии в основе внешней политики царизма³¹. Все чаще политический строй в СССР определяется как «тоталитарный деспотизм»³². «Россия продолжает оставаться полицейским государством, каким она всегда была»³³, – писала либеральная «Нэйшн» в марте 1947 года.

Сообщения об успехах довоенного индустриального развития СССР и преимуществах социалистической системы в социальной сфере³⁴ сменились чередой откровений об истинном положении дел в советском обществе, особенностях жизни и быта советских граждан. Картины «беспросветной бедности»³⁵ советских людей с трудом увязываются с образами героев, доблестных защитников, спасших мир от фашистской угрозы, сконструированными американскими СМИ в годы войны. По свидетельству очевидцев, которых цитирует «Кольерс», «не хватает еды, одежды, жилья и не видно просвета. Цены высоки, заработная плата низка. Единственное, что в избытке, так это каторжный труд»³⁶. Даже имея деньги, зачастую невозможно купить товары первой необходимости – спички, соль, керосин, не говоря уже о фруктах или конфетах, – сообщает «Ридерс Дайджест». Система продовольственных пайков не спасает от голода, так как неэффективна. Неудивительно, что, попадая из страны хронического дефицита в зарубежный продовольственный рай, русские люди о некоторых промышленных товарах не имеют представления. Даже представители партийной элиты, которые, как казалось, всегда имели свободный доступ к дефицитным товарам в СССР, были замечены в казусных ситуациях на Западе. Авторы сообщают о случае, когда жены высших чинов Красной армии надели ночные сорочки на официальный прием, приняв их за вечерние платья³⁷.

Также американцы узнали, что, помимо хронического недостатка продовольствия, в Советской России ужасные жилищные условия. Самым доступным видом жилья являются так называемые коммуналки, где на несколько семей – одна кухня и один санузел. Быт обитателей коммуналок не назовешь комфортным: примус вместо плиты, из всех коммунальных благ только электричество.

Ужасные подробности эксплуатации детского труда в СССР поведал своим читателям «Ридерс Дайджест». «Под предлогом реализации программы трудовой дисциплины власти ежегодно “вербуют” детей старше 13 лет. Миллионы мальчиков и девочек, вырванных из своих семей, трудятся на заводах и шахтах наравне со взрослыми. 70 процентов этих детей работают на заводских

станках. Их легко узнать по черной униформе, которая всегда грязная и сильно изношенная. Только немногие из них имеют сносную обувь. Большинство измождены и больны. Дети живут в бараках в условиях почти военной дисциплины. Один только вид еды, которой их кормят, вызывает приступы тошноты», – сообщает издание³⁸.

В репрезентации американских СМИ система бесплатных социальных благ, которыми так гордилась советская власть, не только неконкурентоспособна, но и далека от того, чтобы быть признанной эффективной: старые переполненные больницы с грубым и небрежным обращением медперсонала, нехватка необходимых медикаментов; школы, работающие по 2-сменной системе; переполненный общественный транспорт; длинные очереди в магазинах. С этой стороны социалистического настоящего американский обыватель вряд ли был знаком даже из прессы. Спекуляция и воровство стали почти неотъемлемыми спутниками советской реальности, существует опасность перемещаться в темное время суток, сообщает «Кольерс». Глянец победных реляций о достижениях советского реформирования моментально становится эфемерным после сообщений о том, как новая аристократия бесклассового советского общества пожинает плоды строящегося социализма. Отдельная квартира, загородная дача, обширный ассортимент продуктов питания и промтоваров, приобретенных в специальных магазинах, отпуск на лучших курортах страны, качественное медицинское обслуживание, образование и пр. – таков неполный перечень благ, доступных для особой касты людей, входящих во власть или приближенных к ней³⁹.

Еженедельник «Лайф», претендовавший на лидерство в деле политического просвещения американцев и формирования общественного мнения по целому кругу внутри- и внешнеполитических проблем, и в 1947 г. остался верен избранной тактике. Подкрепляя мнение руководства корпорации «Тайм», и прежде всего ее главы Генри Люса, отраженное в редакторской колонке, команда Люса добивалась стопроцентного результата в репрезентации нужных образов и получении требуемого отношения среднего класса Америки к той или иной проблеме. В 1946 г. Люс проделал огромную работу, пытаясь убедить общество не рассчитывать на долгий и стабильный мир без особых усилий со своей стороны и подготавливая, таким образом, к смене внешнеполитического курса США⁴⁰.

1947 г. «Лайф» открыл статью под названием «Странный союз» генерал-майора армии США в отставке Джона Дина – автора книги с тем же названием. Дин, возглавлявший американскую военную миссию в СССР в 1943 г., описал в своей книге впечатления от общения с высшим военным руководством Советского Союза в ходе официальных и неформальных встреч. Советские генералы вызвали у Дина противоречивые чувства: одни по-

разили умением говорить фантастические вещи, глядя прямо в глаза, другие – откровенной тупостью, третьи – искусством перехода от дружеского расположения к необыкновенной холодности и отчуждению. О генерале Антонове, заместителе начальника Генштаба, Дин пишет как о самом вменяемом из тех, с кем ему довелось общаться. Но при этом отмечает: «У меня никогда не было более надменно холодного приема. Ни малейшего проблеска радушия в тот момент, когда он пожимал мне руку и приглашал присесть». От общения с высшим военным руководством СССР у Дина осталось ощущение бесконечной двусмысленности, которой, как он заявляет, стоит опасаться и в будущих дипломатических отношениях двух стран. Американский генерал сравнил поведение Советского Союза во внешней политике с наездником на ретивой кобыле, который то дает возможность пуститься вскачь, то резко сдерживает поводья⁴¹.

Люс одним из первых из числа издателей умеренно-консервативного толка заявил со страниц своей прессы о том, что советско-американский диалог по вопросам послевоенного устройства мира исчерпал себя. «Они не договорились и не договорятся, потому что политический и дипломатический конфликт между Россией и Западом – уже реальность», – писал Люс в мае 1946 года⁴². В начале следующего, 1947 г. он назвал политику Советского Союза агрессией и призвал активно ее сдерживать. Хотя важнее этих действий считал задачу ликвидации экономических и политических идей, лежащих в основе советского экспансионизма: «Две цели есть у американской внешней политики в 1947 г.: предотвратить следующую войну и выиграть ее. Поскольку Россия олицетворяет собой идеологию, то одних только военных средств для борьбы с ней будет явно недостаточно, как и просто дипломатии. Чтобы и предотвратить, и выиграть войну, мы должны продемонстрировать многомиллионному народу, что наша идеология и наша система лучше»⁴³.

В 1946 г. Люс неоднократно со страниц своих изданий резко высказывался в адрес американских властей по поводу отсутствия четкой внешнеполитической концепции, определяющей поведение США на международной арене. Его сомнениям, казалось, пришел конец, когда новым госсекретарем был назначен Дж. Маршалл, а его заместителем – У. Клейтон. Именно с этой командой политиков Люс связывал надежды на воплощение в жизнь своей давней мечты – политико-философской концепции, основные положения которой он изложил в 1941 г. в «Американском веке». В 1941 г. Люс писал об Америке: настало «наше время быть центром цивилизации», «воплощением идеалов свободы и справедливости», «добрым самаритянином», чудесным образом помогающим народам подняться с колен и достичь вершин благополучия⁴⁴. И хотя американцы того или нет,

но им придется «принять (лидерство. – Н. Б.) от всего сердца и воспользоваться благоприятной возможностью быть самой могучей и жизненно важной державой в мире и, как следствие этого, быть готовыми с полной мерой ответственности оказывать влияние на весь остальной мир в целях, представляющих наш интерес, и средствами, которые мы считаем необходимыми»⁴⁵. «Не существует другой возможности выживания американской цивилизации как выживания в качестве мировой силы»⁴⁶. В начале 1947 г. Люс лишь подтвердил свои прежние намерения: «Особая роль Америки в следующем десятилетии состоит в том, чтобы разрушать старые принципы, делиться не богатством, а талантом его создавать, помочь миру снова вздохнуть свободно»⁴⁷.

С весны 1947 г. и до его окончания редакторский коллектив «Лайф» пытался убедить американцев в правильности и своевременности политики экономической помощи Европе и возможного ее объединения в «федерацию, наподобие той, что была в Америке сразу после войны за независимость»⁴⁸. То есть еще до официального оглашения программы экономической помощи европейским странам, известной как план Маршалла, продвижение идеи началось на страницах популярной прессы Генри Люса.

Люс высоко оценил новую экономическую дипломатию госдепартамента, он увидел далеко идущие политические последствия от реализации плана Маршалла. «Госсекретарь отважился на разрыв, его стратегия заставила русских раскрыть истинную природу вероломной игры, которую они ведут», – писал Люс. «Американцы и весь Западный мир должны извлечь урок и не допустить в будущем двойной игры со стороны русских»⁴⁹.

Европейскую политику СССР Люс считал разрушительной, несущей хаос и коллапс цивилизации. «План Молотова – это план разделения Европы. Советские власти, запретив своим европейским сателлитам участвовать в программе Маршалла, обрекли эти страны на экономическую стагнацию. Большинство стран Восточной Европы – аграрные, они нуждаются преимущественно в промышленных товарах, которых катастрофически не хватает самим Советам». «Коммунизация хотя бы части Европы опасна и противоестественна, – пишет Люс, – потому что эти страны не имеют ни экономического, ни политического, ни морального родства с Россией». «Исторически они – часть западного мира. Здесь всегда были сильны не только католические, но и протестантские корни, идеи западного образования, управления. Все это исчезнет в процессе коммунизации», – делает свой прогноз известный издатель⁵⁰.

Люс пишет о двух программах, двух стратегиях экономического развития Европы, американской и советской, как абсолютно противоположных по своим конечным целям. Экономическая автаркия, к которой стремится СССР, представ-

ляет угрозу для западных экономических ценностей. Если американцы принимают этот вызов, а для Люса это очевидно – «судьба Америки – это часть мировой судьбы»⁵¹, – то необходимо взять на себя ответственность за экономическое восстановление всей Европы – Восточной и Западной. Западная Европа – это только начало на пути к единому миру. «Мы принимаем вызов», – пишет Люс. Эти слова следует понимать как утверждение начала новой эпохи в развитии международных отношений, эпохи глобального присутствия Америки в мире⁵².

В исходе советско-американского противостояния за Европу Люс не сомневается: «Если Западная Европа, включая нашу половину Германии, сможет вернуться к производству товара на экспорт, то это окажет воздействие на ту часть Европы, которая оказалась за “железным занавесом”, в направлении восстановления прежних торговых связей. Народы, населяющие Восточную Европу, принадлежат к нашему миру, и они это знают»⁵³.

Некоторые консервативные издания также высказались за вариант «федерации всех стран вне зоны советского доминирования» в качестве выхода из долговременного американо-советского кризиса. Речь шла прежде всего об объединении Европы под покровительством США как главного инвестора и «достижении превосходства силы, военной, экономической и моральной, над коммунистической империей»⁵⁴.

Люс, кстати, также полагал, что одного только сдерживания, предписанного доктриной «сдерживания» президента Трумэна, недостаточно. Может быть, поэтому обсуждению этой доктрины не нашлось места в его аналитической колонке. Люсу гораздо ближе была позиция сторонников силовой дипломатии в госдепартаменте, которые рассчитывали через достижение значительного военного превосходства и осуществление эффективного контроля ядерного оружия добиться глобального присутствия в мире. Поэтому внушительные по размеру статьи расходов на военные нужды из американского бюджета (одна треть) Люс считал вполне обоснованными и убеждал в этом своего читателя⁵⁵.

Таким образом, проделанный анализ содержания публикаций об СССР в американской периодической печати разной политической направленности за 1947 г. свидетельствует о том, что тон их заметно изменился по сравнению с предыдущим годом. Если в 1946 г. публикации об СССР только начали приобретать «разоблачительный» характер и касалось это преимущественно исхода встреч на высшем уровне по вопросам послевоенного мироустройства, то в 1947 г. тон сообщений о России стал заметно жестче и категоричнее. Самое большее, на что отваживались издатели в 1946 г., было указать на «недостойное» поведение своего партнера по переговорам. При этом чувствовался общий

настрой прессы, даже консервативной, на долгосрочное сотрудничество с Советской Россией в целях поддержания и укрепления мира. В 1947 г. иллюзии по поводу возможной кооперации двух стран на международной арене рассеялись и пресса разразилась шквалом негатива в адрес СССР. В текстах о России заметно больше стало метафор, призванных вызвать у читателя определенное мнение об объекте восприятия. А такие негативно окрашенные эпитеты, как «коммунистическая империя», «советский тоталитаризм», «тоталитарная деспотия» и др., являлись эффективным средством насаждения нового образа вчерашнего союзника.

Среди объективных причин, вызвавших усиление критики в адрес СССР, следует назвать охлаждение во взаимоотношениях двух стран в результате невозможности договориться по поводу послевоенного устройства Европы, а также формирование новой внешнеполитической стратегии США, которая приобрела четкие контуры к лету 1947 года. Были и субъективные причины иррационального характера. Их прекрасно охарактеризовал американский социолог Артур Дэвис, который указал на живучесть в коллективном бессознательном американского народа стереотипов-заблуждений о далекой и малопонятной стране и наличие внутренней напряженности в американском обществе, обусловленной целым рядом противоречий социально-экономического характера. Советский Союз стал идеальным громоотводом для многих американских сомнений и страхов.

Из всего спектра политически ориентированной печати США на нейтральных позициях по отношению к Советской России в рассматриваемый период оставалась только либеральная пресса, но и она очень скоро включилась в общий антисоветский хор периодики.

Примечания

- 1 Уткин А. Политическая консолидация с обеих сторон [электронный ресурс] URL: http://www.erlib.com/Анатолий_Уткин/Мировая_холодная_война/2/ (дата обращения : 03.03.2011).
- 2 Marshall G. C. European Recovery and Peace Treaties // Vital Speeches of the Day. 1947. December 1. P. 100.
- 3 Злобин Н. В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 [электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/FULTON.HTM> (дата обращения : 03.03.2011).
- 4 Отказ советской стороны объяснить свои действия в Маньчжурии после официального обращения государственного департамента США, а также отказ вывести свои войска из Ирана, тогда как США и Англия свои обязательства по выводу войск выполнили в срок.
- 5 James E. L. A More Realistic Basis for Russian Relations. Speeches of Burnes, Vandenberg and Dulles Open the

- Diplomatic Path to Better Appreciation // The New York Times. 1946. March 3.
- ⁶ *Marble S. D.* The Pathology of Power // The Christian Century. 1946. November 6. P. 1338.
- ⁷ *Ascendant Russia* // The Christian Century. 1945. June 6. P. 672.
- ⁸ No Rest for the Weary Russians // The Reader's Digest. 1946. December. P. 108.
- ⁹ *Bess D.* Can we Live with Russia // The Saturday Evening Post. 1945. July 7. P. 86.
- ¹⁰ *Mundt K. E.* «Can we Get along with Russia?» // Vital Speeches of the Day. 1946. № 17. P. 522.
- ¹¹ Dealing with the Russians // The Commonweal. 1946. April 5. P. 621.
- ¹² *Atkinson B.* Russia 1946 // Life. 1946. July 22. P. 8.
- ¹³ См.: *Уткин А.* Указ. соч.
- ¹⁴ The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July. № 4, Vol. 25. P. 573.
- ¹⁵ Ibid. P. 572.
- ¹⁶ Ibid. P. 576.
- ¹⁷ См. об этом подробнее: *Кеннан Д. Ф.* Америка и русское будущее [электронный ресурс]. URL : <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/KENNAN.HTM> (дата обращения :).
- ¹⁸ *Лукьянов Ф.* Истоки агрессивного поведения [электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2007-06/12380-istoki-agressivnogo-povedeniya> (дата обращения : 03.03.2011).
- ¹⁹ *Davis A. K.* Some Sources of Hostility to Russia // The American Journal of Sociology. 1947. № 3, Vol. 53. P. 174–183.
- ²⁰ We Need to Know the Russians Better // The New York Times Magazine. 1945. July 8. P. 5.
- ²¹ *Davis A. K.* Op. cit. P. 177.
- ²² Ibid. P. 176.
- ²³ Ibid. P. 178.
- ²⁴ Ibid. P. 180.
- ²⁵ *Kendrick A.* How Peace Looks to the Russians // The New Republic. 1947. November 17. P. 19.
- ²⁶ *Salisbury H. E.* Russian Fallacies about Us – and Vice Versa // The New York Times Magazine. 1947. April 6. P. 12, 13, 56, 58.
- ²⁷ *Alsop J., Alsop S.* Last Chance // The Atlantic Monthly. 1947. January. P. 37–38.
- ²⁸ *Chamberlin W. H.* The Permanent Crisis // The Reader's Digest. 1947. September. P. 39.
- ²⁹ Ibid. P. 40.
- ³⁰ *Snow E.* Why We Don't Understand Russia // The Saturday Evening Post. 1947. February 15. P. 137.
- ³¹ *Chamberlin W. H.* Op. cit. P. 40–41.
- ³² *Gillispie C. C.* Have We a Future? // The Christian Century. 1947. April 23. P. 521.
- ³³ *Laski H. J.* Why Does Russia Act that Way? // The Nation. 1947. March 1. P. 240.
- ³⁴ См., например: *The USSR* // Life. 1943. March 29 ; *During W.* Is the Russian Revolution Over? // The New York Times Magazine. 1944. July 30 ; *Sulzberger C. L.* U. S. and USSR – the Two Giants Compared // The New York Times Magazine. 1945. September 2.
- ³⁵ *Hutchison K.* Russia's Vicious Circle // The Nation. 1947. July 19. P. 75.
- ³⁶ *Hottelet R. C.* Ivan is Tired // Collier's. 1947. March 15. P. 22.
- ³⁷ *Alexeiev N.* I Didn't Want My Children to Grow Up in Soviet Russia // The Reader's Digest. 1947. June. P. 14.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Hottelet R. C.* Op. cit. P. 84.
- ⁴⁰ См. об этом подробнее: *Бонцевич Н. Н.* На пути к другой России: как изменился имидж СССР на страницах прессы Генри Льюса в 1946 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(7). С. 41–45.
- ⁴¹ *Dean J. R.* The Strange Alliance // Life. 1947. January 20. P. 99–100.
- ⁴² Why Kid Around? There is no «Misunderstanding» between Russia and the West. There is a Conflict // Life. 1946. May 27. P. 36.
- ⁴³ Editorial // Life. 1947. January 6. P. 18.
- ⁴⁴ *Luce H. R.* The American Century // Jessup J. K. The Ideas of Henry Luce. N. Y., 1969. P. 117–120.
- ⁴⁵ Ibid. P. 113.
- ⁴⁶ Цит. по: *Herzstein R. E.* Henry R. Luce. A Political Portrait of the Man Who Created the American Century. N. Y., 1994. P. 177.
- ⁴⁷ Editorial // Life. 1947. January 20. P. 34.
- ⁴⁸ Ibid. March 17. P. 38.
- ⁴⁹ Ibid. July 14. P. 32.
- ⁵⁰ Ibid. November 17. P. 40.
- ⁵¹ Ibid. May 26. P. 36.
- ⁵² Ibid. November 17. P. 40.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *Chamberlin W. H.* Op. cit. P. 43.
- ⁵⁵ Editorial // Life. 1947. September 22. P. 38.